

РАЗДЕЛ I

КОНСТРУИРУЯ И ДЕКОНСТРУИРУЯ

ГЕНДЕРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Предисловие к разделу

Дмитрий Воронцов

Идея посвятить один из выпусков *Гендерных исследований* обсуждению феноменов подчинения, сопротивления, власти и сексуальности в контексте социально-политических движений за изменение доминирующего гендерного порядка, родилась в процессе обсуждения ролика с записью телевизионного ток-шоу *Мост свободы* на канале *100 ТВ* (г. Санкт-Петербург) участниками дискуссионно-информационной интернет-рассылки Харьковского центра гендерных исследований. Поводом появления той передачи стал флэш-моб, организованный Российской ЛГБТ-сетью в Петербурге 17 мая 2009 года – в Международный день борьбы с гомофобией. Флэш-моб вызывал у многих людей ассоциации с гей-прайдом, что определило обсуждение участниками ток-шоу спектра вопросов, связанных с гомосексуальностью. Обсуждение же вопросов сексуальности (какой бы она ни была по направленности влечений) всегда касается наличного гендерного порядка, вопросов гендерной дискриминации, гендерного неравенства. Поэтому пост со ссылкой на интернет-страничку, где был размещен ролик передачи, с предложением поразмышлять об увиденном с точки зрения дальнейших перспектив развития гендерной теории на постсоветском пространстве, вызвал серию откликов участников гендерной рассылки, проблематизировавших привычный бинарный, если не сказать дихотомичный, взгляд на цели, стратегии и тактики гендерного активизма, представляющего разнообразные формы защиты интересов и поддержки дискриминируемых и подавляемых гендерных групп.

Первым возник вопрос, как вообще могла возникнуть публичная ситуация «дикости как результата сочетания невежества с агрессией» после 20 лет развития политического гендерного движения в России? Этот вопрос высветил, прежде всего, философско-методологическую проблему: не упускаем ли мы из виду какие-либо существенные аспекты политической системы, сводя проблемы гендерного равенства к дихотомическому противостоянию легитимного/нелегитимного (и в правовом, и в культурном смысле), к тем или иным определениям, категориям, которые оказываются в оппозиции друг другу, создавая напряжение социальных связей, выстраиваемых с их помощью? И тогда первый вопрос о том, как возможна «дикость» на протяжении десятилетий борьбы с ней, распадается на ряд других. Не превращается ли политическая борьба за изменение диспаритетной гендерной системы, которая разворачивается в привычных бинарных оппозициях, в игру с действующей властью по задаваемым ею правилам, что и приводит, фактически, к стабилизации, нормализации гендерных практик доминирования и подчинения, а не к их изменению? Если мы хотим что-то изменить, то как мы можем действовать, если практики сопротивления несправедливой гендерной системе могут оборачиваться практиками подчинения ей? Обладают ли различные гендерные теории объяснительной силой, позволяющей представителям различных гендерных групп выстраивать повседневные отношения на паритетной основе?

Не случайно эти вопросы возникли в изначальной дискуссии по поводу геевского активизма, оказавшегося в фокусе ток-шоу. Гомосексуальность тесно связана с определением границы приватного и публичного, легитимного и нелегитимного, да и с категориальной дихотомией в восприятии мира вообще. В системе гендерных отношений люди не только разделены на мужчин и женщин, они при этом разделены на гетеро- и гомосексуалов. Бинарность и дихотомичность выступают универсальным контролирующим механизмом власти. Стремление рассматривать гендерные проблемы в отрыве от сексуальности также может выступать признаком «системной» оппозиции, которая фактически встроена во власть и не касается ключевых моментов, поддерживающих несправедливую диспаритетную систему. Страх включения гомосексуальности в публичный дискурс поддерживает бинарное противопоставление как господствующую силу, организующую нашу жизнь. Не один лишь фаллоцентризм, но и гетеронормативность выступает краеугольным камнем патриархатной гендерной системы, к изменению которой стремятся различные гендерные группы. Отказ от преодоления гетеронормативности превращает любой гендерный активизм в игру за изменение системы. Поскольку гетеронормативность держится на эссенциалистской идее имманентной сущности сексуальности, нам показалось необходимым поместить в журнал перевод главы учебного пособия, в которой представлен максимально полный обзор современных конструкционистских теорий пола и сексуальности (Сара Л. Кроули, К. Л. Бруд, *Конструирование пола и сексуальностей*). В этой статье преодолевается ложный дуализм (би-

нарность) гендерных исследований и исследований сексуальностей. Дуализм, который и поддерживает имплицитную гетеронормативность многих гендерных движений. Здесь также затрагивается интересный аспект темы выпуска: как выстраиваются и как используются идентичности в социальных движениях, связанных с сексуальностью и гендером; при каких политических условиях дихотомия сексуальных категорий скрывается или подчеркивается активистами гендерных движений.

Критическим пунктом изначальной дискуссии стало отношение к гей-прайду как политической акции. Гей-прайд используется в качестве средства политической борьбы ЛГБТ-сообщества за равные права с гетеросексуальным большинством. В юридическом смысле гражданские права наиболее явным образом реализуются в системе брачного права. Не случайно, что и участники ток-шоу, посвященного геевскому флэш-мобу, не могли не затронуть темы лесбигеевских браков. Этот аспект подробно рассмотрен в статье Александра Кондакова: как понимаются «права человека» в преломлении к сексуальности? Насколько вообще «сексуальны» эти права? Каковы аргументы в пользу сексуализации этих прав? И главное – за какие именно права следует (или не следует) бороться представителям миноритарных гендерных сообществ?

В статье политолога Вероники Шаровой кратко рассматривается история этой формы гендерного активизма и перспективы ее использования в политических условиях современной России. В русскоязычной культуре автор подмечает интересную и весьма симптоматичную подмену слов «*gay pride*» словосочетанием «гей парад», которая превращает политический акт с элементами карнавала в развлекательное шоу или самопоказ (демонстрацию) с призрачными (и исчезающими) элементами политического смысла. Такой понятийный перевертыш в русскоязычном дискурсе позволяет свести к демонстрации (и пропаганде) любое публичное мероприятие, проводимое ЛГБТ-сообществом. Что отлично вписывается в гетеронормативный принцип существования общества и, по сути, лишает гей-прайд первоначального политического смысла противопоставления доминирующему дискурсу стыда и «чулана» в отношении гомосексуальности.

Несколько работ проливают свет на состояние современного ЛГБТ-активизма на пост-советском пространстве. Валерий Созаев рефлексировал о собственном «инсайдерском» опыте пребывания в российском ЛГБТ-движении, которое, по мнению автора, находится в состоянии «подросткового синдрома», характеризующегося максимализмом, нетерпеливостью, негативизмом и бинарным мышлением. В этой статье автор раскрывает собственную озвученную в ходе дискуссии позицию в отношении политических целей, достигаемых ЛГБТ-движением, которое, по его мнению, является не столько политическим, сколько социокультурным движением, направленным на изменение ценностей общества. Однако полноценной реализации этой цели мешает социальная инертность и «советизированность» мышления его участников. Обращает на себя внимание

бинарность мышления ЛГБТ-активистов, подмеченная Валерием Созаевым, поскольку именно эта характеристика связана с включенностью в доминирующий властный дискурс. Возможно ли «договориться» с властью, подавляющей любых «иных», или же прежде должна измениться конфигурация этой власти... Прежде всего, власти-дискурса.

Вопрос о взаимодействии власти, общества и ЛГБТ-движения, поднятый В. Созаевым в дискуссии и в статье, подвергается дальнейшему обсуждению в исследовании Оксаны Парфеновой. Она рассматривает активизм петербургской ЛГБТ-организации *Выход*, членом которой В. Созаев как раз и является, в условиях власти гетеросексуальной нормализации любых гендерных практик, прибегнув к концепции политических стратегий и тактик М. де Серто. По сути, статьи В. Созаева и О. Парфеновой дополняют друг друга и выступают в некоей единой концептуальной связке в понимании особенностей развития ЛГБТ-движения в России. Подчиненный, подавляемый субъект, пытающийся вести себя в качестве наделенного властью. А еще точнее, даже не столько наделенного властью, сколько пытающегося быть включенным в доминирующую власть. Насколько это удачная тактика сопротивления – изображать из себя стратега, сотрудничающего с патриархатной властью? В дискуссии, которая предшествовала созданию этого выпуска *Гендерных исследований*, этот вопрос тоже обсуждался... Что дает гендерному движению близость к авторитарной патриархатно мыслящей власти? Этот вопрос затрагивает не только ЛГБТ-движение, а, по-видимому, и многие феминистские движения на пост-советском пространстве.

Вопрос выбора оснований для гендерных движений: политика идентичности (акцент на инакости) или политика ассимиляции (мы такие же, как вы) – поднимается и Тамарой Марценюк, описавшей динамику развития ЛГБТ-движения в Украине. Можно обнаружить много общего в характеристиках российского и украинского ЛГБТ-движения. При том что Тамара Марценюк, в отличие от Валерия Созаева, выступает в роли дружественного наблюдателя «извне», картина оказывается во многом схожей. И это не позволяет говорить нам о субъективной смещенности взгляда. И в России, и в Украине ЛГБТ-движение фактически начинается со СПИД-сервисных организаций для мужчин, имеющих секс с мужчинами, что, по-видимому, и оставляет груз старых проблем при наличии новых тенденций становления этого направления гендерного активизма: целевая аудитория одна, а векторы деятельности – разные. Возможно ли их совмещение? Можно ли соединить в одной повозке коня (цели политического изменения гендерной системы общества) и трепетную лань в виде просвещения, образования, изменения рискованных в плане здоровья сексуальных практик? В статье поднимается вопрос о причинах «геттоизации» ЛГБТ-движения в рамках более широких направлений борьбы за социальные права различных уязвимых и подавляемых групп. А также затрагивается весьма щекотливая проблема внутренней иерархии, в которой фактически воспроизводится доминирующий патриархатный дискурс, который вроде бы должен быть подвергнут изменениям в результате ЛГБТ-активизма.

Вторая часть этого раздела включает статьи, в которых поднятые в ходе дискуссии вопросы рассматриваются уже вне контекста сексуальности. Елена Рождественская (Мещеркина) подвергает деконструкции дискурсивную идентичность Ирины Хакамады в качестве женщины-политика. Любая политическая идентичность имеет гендерное измерение, даже если оно не имеет явных проявлений прямого действия на гендерную сферу. Как, по-видимому, и наоборот – любая гендерная идентичность обязательно имеет политическое измерение, даже если ее носители не придают своим действиям по ее утверждению в публичной сфере политического смысла, называя свой активизм всего лишь культурной или образовательной деятельностью. Статья Елены Рождественской интересна описанием игры, в которую вступает иноэтническая политикесса, стремящаяся инкорпорироваться в гегемонно маскулинную политическую среду. Тем самым общая дискуссионная линия рассуждений в отношении стратегий и тактик гендерного активизма выходит за рамки ЛГБТ-сообщества, преодолевая подмеченную Т. Марценюк геттоизацию внутри гендерного активизма.

Статья Маргариты Гудовой ставит под сомнение возможность проявления политическим актором какой бы то ни было иной идентичности. Вовлеченность в современную политическую деятельность превращает человека в деперсонифицированную фигуру власти – публично-репрезентативную знаково-символическую фигуру, которая публично вынуждена представлять то, кем не является, хотеть то, к чему нет желания и т.п. И внешняя публичность и открытость близко взаимодействует с сокрытием или замалчиванием, или подменой «знания» о личности того, с кем мы взаимодействуем, «информацией» о ней. В этой связи возникает вопрос о подлинности политического альянса гендерных активистов, избирающих стратегии интеграции с властью. Ведь эта власть может оказаться совсем не тем, чем кажется. В современной культуре власть политическая становится властью медийной. И политическая борьба смещается на уровень выразительных форм. Возможно, уже и не важно то, что ты говоришь. Важно то, что ты изображаешь. Не являемся ли мы свидетелями заката дискурсивных форм власти, на смену которым вполне могут прийти визуально-экспрессивные ее формы? Тогда понятно, почему в условиях репрессивной власти вполне можно будет свободно говорить о сексуальности и гендере, вести образовательную и просветительную деятельность. Увидеть репрессивный характер можно будет только в случае экспрессивно-визуального нарушения принятого гендерного порядка. Власть опять увернется от наших с вами попыток ее изменить, если мы не изменим характер говорения о ней. И характер взаимодействия с ней.

Завершается раздел текстом той самой дискуссии, которая побудила нас к обсуждению вышеописанных тем. Каждый из читателей, таким образом, может самостоятельно обнаружить истоки и продолжение самых разных мыслей в полилоге авторов статей и участников сетевой дискуссии.